

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Основатель А. А. Иозефовичъ.

Среда, 2 (15) Юля 1914 года.

Десять лѣтъ тому наза

«Петербургъ, 2 іюля. Въ ночь іюля, въ 3 часа скончался въ Гельсінгборгѣ отъ паралича сердца въ рукахъ жены, известный писатель Павловичъ Чеховъ».

Таково было первое сообщеніе. Оно было далеко не неожиданнымъ. Известно было о тяжести недуга этого писателя, особенно въ послѣдніе годы его жизни.

Тѣмъ не менѣе, извѣстіе о смерти Павловича, какъ громомъ и всѣхъ... ну, всѣхъ, читавшихъ и будь, что-нибудь «чеховское». А кто не читалъ!

Тѣмъ болѣе поразило это извѣстіе задалго до этого сообщенія извѣстнаго писателя носили весьма успокоительный характеръ: здоровье писателя—говоритъ само за себя—поправляется подъ вліяніемъ благотворнаго заграничнаго климата.

«Русскія Вѣдомости» уже послѣ писателя опубликовали выдержку послѣдняго, полученнаго редакціей письма А. П. Чехова; отъ 12 іюня за три недѣли!), изъ курорта Гельсінгборга, гдѣ онъ только-что находился.

Въ этомъ письмѣ Чеховъ писалъ:

«Здоровье мое поправляется, въ меня пудами. Ночи уже давно не точно и не болѣли, ѣмъ я по-прежнему; остались только одышка и слабость отъ худобы, и тѣмъ мною за время болѣзни. Меня здѣсь хорошій врачъ, умный. Это—д-ръ Schvögen, жена нашей московской Ж—го. Баден—очень хорошій курортъ, но въ оригинальность, я еще не привыкъ. Масса зелени, впечатлѣніе горъ, очко, домики и отели, стоящіе особнякомъ зелени. Я живу въ небольшомъ пансіонѣ, съ массой солнца (до 7 вечера) и великолепнымъ садомъ (въ 16 мар. въ сутки за двоица, обѣдъ, ужинъ, кофе). Кормятъ хорошо, даже очень. Но, во всякомъ случаѣ, здѣсь скучаю, вообще. Кстати идетъ дождь, я сижу въ комнате и слушаю, какъ подъ и надъ крышею вѣтеръ»...

Такъ писалъ Антонъ Павловичъ за три недѣли до своей смерти!...

Здоровье мое поправляется, въ меня пудами»...

И вдругъ...

Давно уже страдавшій туберкулезомъ легкихъ, Антонъ Павловичъ умеръ отъ паралича сердца.

Тяжело было всѣмъ на душѣ... всеобщее настроеніе правильно отпечатлѣлось въ всѣхъ направленіяхъ творчества, начиная отъ «Нового міра» и кончая «Міромъ Божьимъ» и «Современнымъ Міромъ»).

«Не стало яркаго таланта, и любовью къ родинѣ, скорбѣвшимъ чужаками, но вѣрившаго въ грядущую достоящую зарю».

«Чеховъ умеръ, но живы его идеи, онъ вѣчно будетъ напоминать намъ своими произведеніями».

Таковъ былъ характеръ всѣхъ статей и замѣтокъ о Чеховѣ.

Особенно больно всѣхъ задѣвала въ эту минуту этой кончины: А. Чехову было всего 44 года!... Сколько бы онъ еще далъ русской литературѣ, сколько шедевровъ намъ пришлось бы читать, если бы не проклятый недугъ, ступенно караулившій этого колосса литературы въ теченіе десяти лѣтъ.

Да, десяти лѣтъ!

А. С. Суворинъ въ статьѣ, посвященной умершему писателю, подчеркивалъ печальный фактъ, что десять лѣтъ страдалъ Ант. Пав. туберкулезомъ легкихъ, сведшимъ въ концѣ концовъ къ нулю.

«Уже десять лѣтъ,—писалъ А. Суворинъ,—его одолевала кашель и частые перебои сердца, о которыхъ онъ упоминалъ въ своихъ письмахъ. Изъ Ялты въ апрѣлѣ 1894 года писалъ объ одномъ своемъ сердечномъ падѣніи. «Чувство теплоты и тѣплоты ушахъ шумъ.... Быстро иду по тѣнѣ»

иать гости, и одна мысль: как-то жить и умирать... и умирать при Чеховке давно таялась въ его само случилось первое кровоизлияние Сибиря, через которую онъ въ Сахалинъ (1890 г.). Но потомъ оправал себя лучше. Первый симптомъ чехотки,—кровоизлияние, чего онъ легъ въ клинику, слушать въ Москвѣ въ 1890 г., кончить сѣбя обидать. Было это въ день разлива рѣки Москвой. Онъ въ гостиницу и послалъ за врачомъ изъ нихъ былъ его другъ, осмотрѣвъ его, они уѣхали, онъ пишетъ: «Вотъ—наше ны. Говорятъ врачю, что это желудочное кровоизлияние. И я слушаю и имъ же возвращаю, что у меня чехотка».

До этого случая онъ не особенно старательно скрывалъ свою болѣзнь. Это была натура гордая, независимая.

Глубоко лежало что-то самолюбивое. Онъ началъ писать еще въ 1880-хъ годахъ; родители его, на рукахъ которыхъ еще сыновья и дочь, жизнь его ужасно огорчало, что на матери не на что сдѣлать ничего, написалъ рассказъ и отнесъ его, въ «Будильникъ». Рассказъ не на полученные вѣскольکو отзывовъ именины матери. И съ этого онъ сталъ докторомъ.

А. С. Суворинъ приводит отъ Шверера, лечившаго Чехова. Врача, Антоны Павловичъ «специально болѣзнь, какъ герой, и съ этимъ кровоизлияниемъ ожидалъ въ страстно хотѣлъ жить, но не смерти: онъ жилъ тѣмъ русскимъ, не кричащимъ героизмомъ, хорошо понимаетъ всякая русская душа, и умереть онъ хотѣлъ, какъ герой, смѣло смотря на неизбежность и вражескимъ устамъ: здравствуй».

Вотъ роль А. С. Суворина въ судьбѣ А. П. Чехова, со-первое время. Какъ-ни-какъ, а хотѣлъ быть обязанъ магу и «Новому Времени».

Вотъ, поэтому, интереса попытка Суворина надъ сѣней могилы великаго учителя (долго находившаго его влѣвѣ) дать его ха-рактеръ.

Суворинъ жалуется, что «въ го-лосѣ все мелочное»: хочется много, но не улавливается цѣлаго.

Вотъ, однако, первая же строка. Вотъ Чехову многимъ, обязанъ русской душой, которая молодая дура давала и вѣрить, кто съ-знался, это чувство чего-то живого, благороднаго и вѣрнѣе съ-знаннаго. Мелоче всего то это писатель, что это ты-то это даже забывалось, и не-смыслъ во всемъ объясненіи его личности и независимости.

Вотъ было что-то новое, какъ-будто въ другой жизни, въ другой ат-мосферѣ, по крайней мѣрѣ мое. Не сантиментальна, ни при-настия, ни фразы. Иногда даже жестокость, но жестокость пре-родности. Въ послѣдніе годы подъ страданіемъ онъ сталъ благодуш-нымъ. Что-то меланхолическое и по-добно казалось въ его страданіи-яхъ. Съ нимъ умеръ страдающа-го въ томъ представленіи, кото-рому даешь въ общее мѣсто, и об-щѣ банальную фразу, для не-примѣнителя, а въ представленіи страданія физическаго и мораль-скаго всякому человеку, близкаго поэту, которой онъ сдѣлался, принимая къ сердцу его драмы и скрытый для другихъ ужасъ зам-ствования и мечты хотѣ о на-вѣща, хотѣ объ обманѣ, который въ душевной и безцѣльной тоске.

Вотъ его въ письмѣ (1894 г.): «Вотъ жить теперь русскій чело-вѣкъ мой отъѣтъ,—писалъ онъ,—ну нужно прежде всего желанія, ста. Необходимо желаніе. Это несправедливо, но-это выразитель-но. Смыслъ онъ всегда желалъ, же-лоса русской жизни, желалъ силь-наго характера, дарованій, желалъ въ своей краткой вѣкѣ солнца и-ти, не увидѣвъ его настоящаго».

Вотъ въ письмѣ (въ «Бирже-вѣ») съ вѣскольکو другой сто-пытается объяснить идеалъ «ра-вельскаго» въ будущемъ, который въ душѣ А. П. Чехова.

Вотъ, кажется,—говорить у него Вер-се на землѣ должно измѣниться ду-шу, и уже жѣняется на нашихъ черезъ двѣсти-треста, наконецъ, въ,—дѣло не въ срокѣ,—наста-етъ счастливая жизнь. Участвовать жизни мы не будемъ, конечно, но мы живемъ теперь, работаемъ, ну, мы творимъ ее—и въ этомъ въ нашего бытія и, если хотите, въ».

Вотъ, что прошлое именно такъ, и, считается съ настоящимъ; да и красота, направляющая че-ло жизнь когда-то тамъ, въ саду въ пересаживающа (какъ ду-дентъ въ одномъ изъ любя-ривахъ рассказовъ), продолжа-етъ до сего дня и всегда въ главное въ человѣческой жиз-ни не истина, которая назы-вается прогрессомъ, цивилизаціей, куль-турой и нау, но алая определенно, но, право,—ради одной этой истины стоитъ жить» («Моя

Вотъ этой новой жизни, свѣтлой, тихой и мягкой, какъ ласка, о-чень думать съ умноженіемъ, о-чень въ алмазахъ, объ отдыхѣ—вѣроятно повторялъ въ каждой своей вѣщѣ. Онъ не могъ не повторенія и, очевидно, дѣлать въ печальности».

Ошибся тотъ, кто приписалъ бы Чехову жизнененавистничество, проглядѣвъ въ немъ именно провозвѣстника жизни, поэта тоски по идеалу. А. Измайловъ останавливается на этой сторонѣ чеховскаго міропониманія.

Жизнь мрачна только для тѣхъ, у кого «вдали нѣтъ огонька» для Ивановыхъ, живущихъ безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, которымъ именно поэтому кажется, что «любовь—вздоръ, ласки притворны, что въ трудѣ нѣтъ смысла, что цѣсни и горячія рѣчи пошлы и стары». Неудалому Тузенбаху кажется, что черезъ тысячу лѣтъ люди будутъ такъ же, какъ сейчасъ, издыхать, но Чеховъ вѣрилъ, что постылое безвременье пройдетъ, и будущее будетъ принадлежать не Ивановымъ и Тузенбахамъ, но дерзающимъ Вершининымъ, вѣрующимъ Сонямъ, живущимъ для чего-то повыше личнаго счастья. «Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя,—говорилъ сънъ устами одного изъ своихъ героев,—дѣлайте добро, пока молоды, сильны, бодры, не уставайте дѣлать добро! Счастья нѣтъ, и не должно быть, а есть жизнь, и если она имѣетъ смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастьѣ, а въ чемъ-то болѣе разумномъ и великомъ».

Въ слѣдующемъ № постараемся дать другіе отзывы и характеристики, а равно постараемся возстановить въ памяти читателей подробности кончины и похоронъ славнаго писателя.

А. Суражскій.